

Глядя на человека, стоявшего перед ней с опущенной головой и видом провинившегося ребенка, Е Ицин словно перенеслась на много лет назад. От безысходности ей захотелось закричать отчаяния:

— Садись.

Е Ицин казалось, что все ее и без того скудные запасы терпения достались этой девчонке. Будь на ее месте кто-то другой, она бы наверняка отделалась одним словом:

— Убирайся!

Е Цинъян тут же послушно села. Заметив, как Е Ицин взяла стоявшую неподалеку аптечку, она сообразила, что та собирается обработать ей раны, и невольно начала глупо улыбаться.

— Подними голову.

Нетерпеливо бросив два слова:

— Чего лыбишься? — Е Ицин нахмурилась.

Е Цинъян тут же захватила рот, но скрыть счастливую улыбку на лице не получалось как ни старалась.

— Больше не говори никому на улице, что у тебя черный пояс по тхэквондо, позорище!

— Ой-ой...

— Не крутись.

Е Цинъян послушно замерла на месте, позволяя Е Ицин смазывать ссадины. Сначала Е Ицин действовала без церемоний, из-за чего Е Цинъян время от времени шипела от боли. За это Е Ицин наградила ее свирепым взглядом, но движения рук стали намного мягче, а временами она даже слегка подувала на разбитый уголок губ девушки.

Теплое, источающее легкий аромат дыхание коснулось губ, вызывая легкий зуд. Е Ицин выглядела донельзя сосредоточенной, отчего ее и без того утонченные черты лица казались еще более холодными и отстраненными. Однако в ее глубоких черных глазах Е Цинъян уловила едва заметные нотки нежной заботы. Словно водоворот, этот взгляд затягивал ее все ближе и ближе, заставляя окончательно и бесповоротно увязнуть, а сердце вдруг забилось в бешеном, хаотичном ритме.

Сердце колотилось так яростно, казалось, оно готово в любой момент выпрыгнуть из груди. Е Цинъян внезапно стало страшно — она боялась, что на таком близком расстоянии Е Ицин услышит ее ненормальное сердцебиение.

Она отчаянно пыталась усмирить этот безумный ритм, но все старания были тщетны. Напротив, тело от этого стало постепенно нагреваться, и ей начало казаться, что сквозь

каждую пору пробивается жар. Освежающая прохлада на уголках губ тоже медленно исчезла. Близкое донельзя лицо — холодное, отрешенное и прекрасное до потери пульса — заставляло Е Цинъян задыхаться. Ее взгляд постепенно скользнул вниз и остановился на плотно сжатых алых губах. В этот момент в горле вдруг пересохло...

— Е Цинъян.

— ...

Взгляды всего класса разом устремились на Е Цинъян, сидевшую на последней парте у окна.

Си Цин слегка кашлянула. Е Цинъян пришла в себя и поднялась на ноги:

— Здесь.

— Ты плохо себя чувствуешь? — с беспокойством спросила красавица-преподавательница Ян Си. В ее памяти Е Цинъян всегда была очень старательной ученицей, но сегодня она почти весь урок витала в облаках.

Е Цинъян на мгновение замерла, а затем слабо улыбнулась:

— Нет.

Ян Си тут же вернула себе серьезный вид:

— Хорошо. Тогда ответь на предыдущий вопрос.

— ...

На этот раз Е Цинъян растерялась по-настоящему: она понятия не имела, о каком вопросе шла речь. Стало неловко. Опустив глаза, она заметила, как сидевшая впереди Си Цин что-то быстро шепчет, но из-за слишком тихого голоса разобрать слова было невозможно.

Вдруг рядом раздался странный шорох. Е Цинъян чуть повернула голову и увидела, как Линь Му украдкой прижимает к поясу блокнот, на котором была написана какая-то фраза на английском.

Как раз когда Е Цинъян успела дочитать текст, неожиданно раздался голос Ян Си:

— Будь внимательнее. Садись.

После урока Ян Си вызвала Е Цинъян в свой кабинет и поинтересовалась, что с ней происходит на занятиях. Е Цинъян лишь сослалась на то, что плохо спала ночью и, возможно, испытывает небольшой стресс. Дав несколько напутствий расслабиться и хорошенько выспаться, Ян Си отпустила ее.

Выйдя из кабинета, Е Цинъян невольно вздохнула с облегчением, но брови так и остались сдвинутыми. Стоило ей вспомнить ее странную реакцию, когда Е Ицин обрабатывала ей раны прошлым вечером, как голову снова начинала болеть. Такие чувства возникают только тогда, когда влюбляешься в кого-то... Но ведь это мамочка! Как можно влюбиться в собственную маму?

Единым махом вернувшись за парту, она сразу же уткнулась в любопытное лицо Линь Му.

— Послушай, о каком мужике ты только что думала с таким отрешенным видом?

— ...

Е Цинъян закатила глаза и оставила его вопрос без ответа.

— Вот серьезно, госпожа Ян такая добрая! Ты так явно витала в облаках на уроке, а она отделалась лишь парой мягких замечаний. На месте другого преподавателя тебя бы уже затаскали по критическим разборам. Так что я тебе говорю: госпожа Ян к тебе явно равнодушна.

— ...

Как говорится, самый раздражающий тип мужчин — это болтуны. Мужчина должен быть немногословным и сдержанным. Очевидно, Линь Му относился к первому типу.

— Что-то случилось? — в голосе Си Цин звучало легкое беспокойство.

Е Цинъян слабо улыбнулась:

— Нет.

Подумав немного, она неожиданно спросила Си Цин:

— Цинэр, скажи, откуда человек понимает, что он в кого-то влюбился?

Бизнес-центр «Цинъюань», 23-й этаж, кабинет генерального директора.

Е Ицин была полностью поглощена чтением документов, когда раздался стук в дверь, и следом за ним вошла Кэлань.

— Госпожа Е, только что доставили приглашение на вечерний прием.

Не поднимая головы, Е Ицин равнодушно бросила:

— Положи на стол.

Кэлань послушно выполнила указание:

— Госпожа Е, председатель Лу настаивает, чтобы вы обязательно присутствовали.

В деловых кругах Е Ицин славилась своей проницательностью, хваткой и невероятной холодностью — она принципиально игнорировала большинство светских приглашений.

Е Ицин слегка нахмурилась, взяла приглашение и пробежала по нему глазами: ежегодный банкет торговой ассоциации города Z, причем явка строго со спутником. Впрочем, для Е Ицин эти слова были пустым звуком — она всегда просто игнорировала подобные требования.

— Я поняла.

Ответ прозвучал двусмысленно, и Кэлань так и не поняла, собирается шефиня идти или нет, но это уже не входило в ее компетенцию.

Сразу после ухода Кэлань зазвонил телефон Е Ицин. Бросив на экран мимолетный взгляд, она приняла вызов.

— Алло~

В трубке тут же раздался разъяренный вопль:

— Ты что творишь! Целый век трубку не брала!

Е Ицин поморщилась и отодвинула телефон подальше от уха:

— В чем дело?

— Ты идешь на этот дурацкий банкет? — голос Шан Цяньмо звучал крайне недовольно.

Е Ицин слегка удивилась:

— Ты собираешься?

— У моего отца нет времени, вот он и заставляет меня тащиться туда! Похоже, он спит и видит, как я подцеплю там какого-нибудь деревенщину и поскорее выскочу замуж.

— Деревенщина и ты, вернувшаяся из-за моря — идеальная пара.

— Да пошла ты! Я же говорила, что не люблю мужчин!

— ...

— Эй, так ты идешь или нет?

— Какое тебе дело до того, пойду я или нет?

— Конечно есть! Если ты не пойдешь, мне же там смертельно скучно будет! Короче, мне плевать, ты обязана явиться! И обязательно со спутником, запомни — со спутником!

Выпалив это, собеседница тут же сбросила вызов. Е Ицин с легким вздохом опустила телефон. Со спутником...

Е Цинъян только вышла из школьных ворот, как сразу заметила припаркованную на противоположной стороне дороги неброскую, но роскошную серебристую Maybach. И правда, мамочка куда скромнее Тёти Мо и не стала бы парковаться прямо у школьного крыльца.

Забравшись на заднее сиденье, Е Цинъян тронулась с места. Бросив взгляд на человека за рулем, она с удивлением обнаружила молодого мужчину. Странно, с каких это пор мамочка пользуется услугами наемного водителя, и куда они вообще направляются?

Она повернулась к сидевшей рядом женщине, собираясь задать вопрос, но заметила, что Е Ицин сидит с закрытыми глазами, отдыхая. Ее четко очерченный профиль по-прежнему излучал привычную холодность, но от этого казался лишь еще более прекрасным и завораживающим. Сердце вновь забило в неконтролируемом ритме, и в памяти сами собой всплыли утренние слова Си Цин: Когда ты влюбляешься в человека, стоит тебе посмотреть на него, как твое сердце начинает биться быстрее...

Неужели я и правда влюбилась в мамочку? Придя в себя, она вдруг поймала на себе пристальный взгляд — водянистые, чистые глаза Е Ицин смотрели прямо на нее. Сердце испуганно ёкнуло:

— М-мамочка?

Е Ицин просто молча сверлила ее взглядом, да так пристально, что Е Цинъян едва не задохнулась от напряжения. Неужели она всё поняла?

— Получше.

Коротко бросив три слова, Е Ицин снова закрыла глаза, совершенно игнорируя смущенную и перепуганную девушку.

— А?

Глядя на то, как Е Ицин перебирает вешалки в магазине одежды, Е Цинъян не удержалась от вопроса:

— Мам, ты что, себе вещи покупаешь?

Но фасоны и цвета совсем не походили на привычный стиль мамочки.

— Тебе.

— А? Мне? У меня есть одежда.

— ...

Ничего не ответив на это, Е Ицин продолжила выбирать, время от времени прикладывая наряды к фигуре Е Цинъян.

Е Цинъян чувствовала себя неловко. Ладно бы покупка одежды, но почему она упорно выбирала ей всякие платья? Неужели мамочка до сих пор не знает, что она терпеть их не может?

Приложив к ее телу длинное фиолетовое платье, Е Ицин оценила результат. Вроде бы неплохо, но, скользнув взглядом по практически плоской груди девушки, которую можно было назвать взлетной полосой, она засомневалась, сможет ли та заполнить наряд.

— Тебе надо бы получше питаться.

— Чего?

Опоздав с реакцией, Е Цинъян машинально опустила взгляд на собственный бюст, в ту же секунду догадавшись, к чему клонит Е Ицин, и безмолвно скривила губы.

— Посмотри на тебя — любой с первого взгляда поймет, что ты мне не родная.

— ...

Е Цинъян потеряла дар речи: тут и на грудь смотреть не надо было, чтобы понять отсутствие кровного родства — какая мать в ее годы может выглядеть настолько молодо!

— Мам, то, что на мне надето, вполне нормально. Не нужно ничего покупать.

Е Ицин окинула ее критическим взглядом:

— Разве кто-то догадается, что ты девушка? Круглосуточно в рубашках, футболках и джинсах.

— Но у меня же длинные волосы!

— Многие парни, занимающиеся искусством, тоже носят длинные волосы.

— ...

Е Цинъян бросила косой взгляд на сидевшую рядом Е Ицин, а затем слегка заерзала от внутреннего неудобства. Строгий черный костюм, сапфирово-синяя рубашка, черные туфли — в столь официальном наряде она оказалась впервые в жизни и никак не могла к нему привыкнуть. Впрочем, это все равно лучше, чем заставлять ее надевать длинное платье. Вскоре машина остановилась, шофёр вышел и открыл заднюю дверцу. Первой вышла Е Ицин, следом за ней — Е Цинъян.

— Ты можешь не быть такой копошащейся? Я тут чуть не уснула в ожидании, — бросила Шан Цяньмо и, совершенно никого не смущаясь, зевнула.

Е Ицин равнодушно ответила:

— Разве всё не только началось?

— Иначе что, хочешь прийти к самому шапочному разбору? А где этот Цзян Юнцзюнь? Разве не велели тебе явиться непременно с парой? — Шан Цяньмо даже слегка скрипнула зубами.

Е Ицин заранее предвидела намерения подруги:

— Е Цинъян.

Е Цинъян с некоторым напряжением подошла к Е Ицин. Шан Цяньмо на мгновение опешила, но тут же...

— Ого, малышка, а ты и правда та ещё напасть! Как же это я про тебя-то не подумала? М-м-м, сегодня вечером ты точно сведёшь с ума всех этих мужчин и женщин!

— ...

Когда они входили, Шан Цяньмо напропалую увязывалась с Е Цинъян, требуя, чтобы Е Ицин шла с приведённым той кавалером, но ничего не добилась: Е Ицин стоило лишь окликнуть Е Цинъян, как та послушно прибежала обратно к ней.

Стоило свету софитов упасть на них, как взгляды всех присутствующих приковались к Е Цинъян и Е Ицин. Е Цинъян тут же разволновалась ещё сильнее, ладони вспотели, улыбка на лице постепенно застыла, и она уже едва понимала, какую ногу ставить первой.

— Считаю их пустым местом.

В ушах неожиданно прозвучал холодный голос, и затуманенная голова Е Цинъян вмиг прояснилась. Чуть повернув голову, она увидела Е Ицин в лучах света — ещё более ослепительную и завораживающую. Синее платье на одно плечо, наполовину обнажённые плечи, длинные волосы изящно подобраны сзади — величественная, элегантная, холодно-прекрасная.

Е Цинъян больше не могла отвести глаз, продолжая просто смотреть на стоявшую рядом женщину, и её тревожное, смятенное сердце мало-помалу успокоилось.

Обе женщины поразили воображение всех присутствующих: одна — благородная и холодная, словно чарующий синий демон, другая — чистая и свежая, как листик мяты в летний зной.

Е Цинъян тихонько сидела в самом углу, наблюдая, как гости непрерывно чокаются бокалами, то весело смеясь и беседуя, то переговариваясь вполголоса.

Она бросила взгляд на стакан с апельсиновым соком в собственной руке, который так резко контрастировал с чужими бокалами красного вина, и уголки её губ сами собой изогнулись в улыбке — этот сок ей только что дала Е Ицин.

Взгляд без труда отыскал ту синюю фигуру, ведь Е Ицин всегда и везде оставалась главной героиней. И верно, вокруг неё тут же столпилось множество людей, по большей части мужчин, чьи взгляды выражали то одержимость, то вожделение, то льстивое преклонение. Е Цинъян это жутко не нравилось: ей казалось, что все они похожи на назойливых мух.

Е Цинъян видела, что Е Ицин это тоже не по душе, потому что та не сводила бровей, её выражение лица было куда холоднее обычного, да и сама она почти ничего не говорила,

предоставляя слово остальным.

И эти люди смеют заглядываться на такую прекрасную мамочку! Глядя на их отвратительные физиономии, Е Цинъян была готова схватить мухобойку и прихлопнуть их на месте!

Она уже собиралась подняться, как вдруг у самого уха раздался женский голос:

— Вы не возражаете, если я присяду здесь?

Е Цинъян обернулась и увидела женщину с ярко-красной помадой на губах и в соблазнительном, вызывающем наряде, которая вопросительно смотрела на неё.

— Пожалуйста.

Женщина грациозно опустилась на сиденье и, слегка улыбнувшись, произнесла три слова:

— Цзян Чжимей.

— Здравствуйте, Е Цинъян.

Е Цинъян почему-то казалось, что в глазах незнакомки таится какая-то непонятная ей усмешка. Ей это совсем не понравилось, и захотелось уйти.

— Прощу прощ...

Цзян Чжимей вдруг подалась вперёд:

— Как насчёт глоточка этого?

Е Цинъян случайно бросила взгляд на её пышную грудь, готовую вот-вот выпрыгнуть наружу, и торопливо отвела глаза. Посмотрев на бокал с красной жидкостью перед собой, она уже собиралась отказаться.

— Она это не пьёт.

Е Цинъян резко подняла голову и увидела Е Ицин, которая неизвестно когда появилась перед ней и выглядела не слишком довольной.

Е Ицин лишь скользнула по ней взглядом и тут же зашагала прокуда. Е Цинъян поспешно поднялась и последовала за ней.

— Мамочка, я...

Е Ицин внезапно остановилась:

— Больше не приближайся к ней.

Е Цинъян кивнула, но тут заметила, что выражение лица Е Ицин при взгляде вперед неуловимо изменилось, после чего та быстрым шагом куда-то направилась.

То, что произошло следом, повергло в шок всех гостей вечера. Е Ицин словно потеряла рассудок: она металась по всему залу, озираясь по сторонам, в её неизменно ледяном выражении лица читалась паника, которая затем медленно сменилась разочарованием, а после — отчаянием...

Е Цинъян впервые видела Е Ицин столь потерянной. Изумление, недоумение и острая боль сжали сердце — она понимала: мамочка, судя по всему, ищет человека. Человека невероятно, безумно важного.

Глава 18

Воздух в салоне машины был наэлектризован до удушья. Е Цинъян тревожно сидела на пассажирском сиденье, исподлобья поглядывая на Е Ицин, которая вела автомобиль с мрачным лицом — с тех пор как они покинули приём, она не произнесла ни единого слова.

Е Цинъян казалось, что сейчас от Е Ицин исходит безнадежная аура человека, чьё сердце умерло. От одного этого зрелища щемило в груди, будто чья-то безжалостная рука впиалась мёртвой хваткой в её собственное сердце.

Яркие огни за окном проносились один за другим, и в этой пестрой иллюзии ей снова словно померещились те глаза, что потрясли её до глубины души.

Когда Е Цинъян испуганно и тихо позвала мамочку, Е Ицин резко обернулась, словно от неожиданного испуга, и в тот самый миг сердце Е Цинъян затрепетало помимо её воли.

В этих вечно холодных и отстранённых глазах застыла тончайшая, подобная цикадиному крылу пелена влаги, казалось, тронь её — и она рассыплется. Но, заметив Е Цинъян, глубину её взгляда заволокла глухая серость, и та крошечная, хрупкая надежда рухнула в одно мгновение.

Надежда мгновенно обратилась в отчаяние. Е Цинъян видела, как дрогнули губы Е Ицин, и на них проступила почти прозрачная улыбка. Эта сцена навечно запечатлелась в памяти Е Цинъян.

Она оцепенело смотрела на прядку волос, упавшую на плечо Е Ицин, и если её глаза не лгали, в этой улыбке сквозила глубочайшая, горькая насмешка — насмешка над самой собой...

— Вернулись.

Тетушка Чжан с улыбкой смотрела на вошедших друг за другом Е Ицин и Е Цинъян.

— ...

Ничего не ответив, Е Ицин напрямик направилась на второй этаж.

Е Цинъян застыла в прихожей, глядя на то, как изящная фигура скрылась в комнате, и её брови были сдвинуты.

— Что-то случилось?

Е Цинъян обернулась и встретилась со встревоженным взглядом Тетушки Чжан.

Посмотрев на уже закрытую дверь спальни, она покачала головой: ей самой отчаянно хотелось узнать, что же произошло.

Тетушка Чжан вздохнула:

— Вы хоть поужинали?

Глядя на то, как в комнате Е Ицин зажёгся свет, Е Цинъян ответила:

— Нет.

— Тогда я пойду приготовлю вам поесть.

— Я не голодна, приготовьте мамочке.

И Тетушка Чжан, снедаемая тревогой, скрылась на кухне, а Е Цинъян так и продолжала стоять посреди гостиной, глядя на дверь на втором этаже.

Неизвестно сколько времени прошло, когда вдруг раздался звонок в дверь.

Опомнившись, Е Цинъян устало поплелась открывать. Стоило распахнуть дверь, как перед ней предстала Шан Цяньмо в длинном алым платье.

— Тётя Мо.

Шан Цяньмо протянула руку и ущипнула Е Цинъян за щеку:

— Что за выражение лица? Ни капли не мило.

Е Цинъян покосилась на лестницу, ведущую наверх:

— Мамочка она...

— Не переживай, всё в порядке, — Шан Цяньмо утешающе улыбнулась ей и поднялась на второй этаж.

Е Цинъян проводила взглядом Шан Цяньмо, чья дверь затворилась за ней, вернулась в гостиную, села на диван и включила телевизор, но глаза по-прежнему не отрывались от злосчастной двери.

Так прошло время до одиннадцати часов. Свет в комнате всё ещё горел, никто оттуда так и не вышел. Выключив телевизор, Е Цинъян поднялась наверх и, проходя мимо комнаты Е Ицин, намеренно замедлила шаг. Никаких звуков голосов — неужели уснула? Уже всё наладилось?

Пока Е Цинъян стояла у порога во власти сумбурных мыслей, свет в комнате погас.

Потоптавшись еще немного, Е Цинъян вернулась в свою комнату.

Этой ночью Е Цинъян спала очень беспокойно: во сне ей мерещилось растерянное лицо Е Ицин, которая всё шла куда-то, всё копалась в поисках, с отчаянием на лице, тоской в глазах и горькой усмешкой на губах. Кадры сменяли друг друга, накладываясь один на другой, пока не застыли на моменте, когда Е Ицин оборачивается.

Сердце пронзила внезапная боль, она резко распахнула глаза. Перед взором предстал белый потолок. Подняв руку и прижав ладонь к груди, она осознала: это всего лишь сон.

Приподнявшись, она глянула на мягкий солнечный свет за окном — интересно, как там мамочка? Бросив взгляд на будильник у изголовья: половина седьмого. Наверное, еще не проснулась.

В прежние дни Е Цинъян непременно продолжила бы спать, но сегодня её сон как рукой сняло. Встав с постели, умывшись и переодевшись, она спустилась вниз.

В гостиной и столовой никого не было. Оглянувшись на второй этаж, она подумала, что мамочка и впрямь ещё не встала. Что ж, пусть поспит подольше, после хорошего отдыха настроение наверняка станет намного лучше.

Повернув на кухню, она застала там Тетушку Чжан за приготовлением завтрака.

— Тетушка Чжан.

Тетушка Чжан обернулась:

— Проснулась?

Е Цинъян с улыбкой кивнула и подошла со спины.

— М-м, как вкусно пахнет!

Тетушка Чжан улыбнулась:

— Скоро всё будет готово, иди подожди в гостиной.

— Тогда я сначала пойду разбужу мамочку и тётю Мо, — сказала Е Цинъян и уже собралась выходить.

— Они уже ушли.

Е Цинъян резко обернулась:

— Что? Уже ушли? Так рано? Куда?

Тетушка Чжан нахмурилась и покачала головой:

— Я и сама толком не знаю, ушли ещё полчаса назад.

— ...

<http://bllate.org/book/20772/2084238>